

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2016.3.9

Развитие теории исторической динамики культуры: взаимодействие социального и культурного факторов

А. Я. ФЛИЕР

(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева)

В статье рассматривается взаимодействие социального и культурного факторов самоорганизации исторических сообществ, их взаимообусловленность и сбалансированность, а также плоды их влияния на процессы социального развития и культурного становления. В частности, анализируется эмпирически обнаруженная закономерность, в соответствии с которой при ускорении социального развития сообщества заметно понижается его локальная культурная самобытность и, наоборот, при замедлении социального развития повышается уровень его культурного своеобразия. В профильной литературе эта закономерность получила название «теория баланса социальной и культурной динамики».

Данная взаимосвязь объясняется поочередным преобладанием тенденций функциональной социальной дифференциации деятельности (повышения профессиональной специализации) в историческом развитии человеческих коллективов и их культурной консолидации (повышения культурного единообразия). Эти две разнонаправленные тенденции эффективно компенсируют друг друга и, как правило, исторически чередуются, чем определяется конструктивный характер исторического саморазвития. Высказывается предположение о том, что чередование этих тенденций, возможно, лежит в основе возникновения научных концепций социокультурной цикличности в развитии сообществ.

Автор анализирует влияние этих факторов на развитие процессов социальной солидарности и становления культурной идентичности людей, их детерминацию различными политическими воздействиями. Особо отмечается системообразующая роль тенденций социальной дифференциации и культурной консолидации в динамике культурной устойчивости и культурной изменчивости как основных процессах исторического функционирования культуры.

Как самостоятельная проблема рассматривается условность выделения социальной и культурной тенденций как самостоятельных факторов развития в исторической динамике сообществ. Эти тенденции в основном взаимоинтегрированы и выделяются учеными как самостоятельные феномены только с целью их углубленного анализа. Обосновывается сентенция о том, что все социальное культурно, а все культурное социально.

Ключевые слова: динамика культуры; теория культуры; культурная консолидация; культурные факторы; исторические сообщества; культурная устойчивость; культурная изменчивость; историческая цикличность

ВВЕДЕНИЕ

В середине 1900-х годов, исследуя историческую динамику культуры в своей докторской диссертации «Структура и динамика культурогенетических процессов», я заметил одну особенность этого явления. Я обнаружил, что ускорение социального развития (как, например, стимулированное преобразованиями в России при реформах Петра Великого, в Японии при реформах Мэйдзи, в Турции при реформах Кемаля Ататюрка и др.) сопровождалось заметным снижением локального культурного своеобразия. И наоборот, замедление процесса социального развития, его стагнация (как например, в Московском царстве XVI–XVII вв. или в Китае XVIII–XIX вв.) вело к усилению выраженности культурного своеобразия, его аккумуляции¹.

Сейчас, продолжая исследования исторической эволюции культуры, я пришел к выводу, что описанный мной феномен является лишь одним из проявлений более общего процесса взаимодействия социальных и культурных составляющих в самоорганизации и динамике развития всякого сообщества.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

То, что мы называем *социальным развитием*, по существу является тенденцией усиления функциональной дифференциации сообщества, разделения труда среди его населения и профессиональной специализацией разных групп этого населения, что в свое время обстоятельно исследовал Э. Дюркгейм (Дюркгейм, 1991). Если первобытный охотник или крестьянин аграрной эпохи был одновременно «и швец, и жнец, и на дуде игрец», то главное отличие городского образа жизни как типа организации социальной деятельности заключалось в развитии функциональных специализаций людей. В ходе «неолитической революции» в племенах произошло разделение на охотников и собирателей, земледельцев и скотоводов, затем появились вожди и воины, жрецы и шаманы, потом — на этапе образования городов — ремесленники, художники, чиновники и т. п. Это функциональное разделение труда со временем переросло и в образование особых социальных сословий и классов, объединявших близких по функциям специалистов. Этот процесс уже хорошо исследовал К. Маркс (см., напр.: Маркс, 1959).

В свое время, изучая социокультурные особенности разных социальных страт, я выделил пять таких функциональных групп:

- сельские материальные производители (преимущественно крестьяне, а также сельские рабы);
- городские материальные производители (ремесленники, позднее капиталисты, инженеры, рабочие, экономисты и финансисты);
- городские интеллектуальные производители (ученые, учителя, священники, деятели художественной культуры, книгоиздатели и библиотекари и т. п.);
- производители порядка (высшие и региональные администраторы, чиновники, юристы, полицейские, военные и пр.);
- производители беспорядка (криминальная среда) (Флиер, 2008).

Но эти группы сформировались еще в аграрную эпоху, хотя в последующем получили развитие и прошли определенную трансформацию. Применительно к индустриальной эпохе к ним можно добавить еще как минимум три группы:

— производители городского образа жизни (работники торговли и бытового обслуживания, связи и транспорта, строители и монтажники, коммунальные работники и т. п.);

— производители здоровья (медики всех профилей, работники общественного питания, спортсмены и физкультурники, организаторы отдыха);

— производители информации (разведчики, журналисты и работники СМИ, интернет-блогеры).

Хочу подчеркнуть, что это не сословия или классы, а просто научно структурированные группы исполнителей определенных социально востребованных функций.

При рассмотрении деления общества на социальные сословия и классы следует учитывать, что это исторически различные образования. *Сословия* — это социальные страты, сложившиеся в аграрную эпоху (аристократ, священнослужитель, простолюдин) и обладавшие определенными имущественными и статусными правами, которыми их члены ситуативно пользовались или нет (вспомним польский образ шляхтича «без сапог, но с саблей»). Дворянский статус даровался монархом и всегда юридически оформлялся, а вступление в духовное сословие требовало совершения определенного публичного ритуала. А *классы* формируются участниками экономических отношений индустриальной эпохи, которые являются фактическими владельцами или пользователями тех или иных средств производства (земледелец, крестьянин, капиталист, наемный рабочий, служащий и т. п.), перемена статуса которых — дело случая и никак юридически не регулируется. Принадлежность к сословию отражает социальный статус и права, к классу — только способ заработка.

Этот экскурс в социологические понятия потребовался для предметного понимания того, что социальное развитие — это прежде всего процесс углубления функциональной *социальной дифференциации*, т. е. профессиональной специализации людей. И реформы Петра Великого заключались не столько в бритье бород и перемене кафтанов, сколько в учреждении в стране десятков, а может быть, и сотен новых профессий, т. е. в радикальном расширении номенклатуры сфер деятельности. Историческое развитие самоорганизации сообщества проявляется в первую очередь в его функциональной социальной дифференциации и структурировании. Но если в социальных процессах по своей практической значимости преобладает тенденция функциональной дифференциации, то в культурных процессах более значимой представляется тенденция *консолидации*, объединения людей вокруг определенных культурных смыслов, ценностей и символов.

Культурная консолидация сообществ представляет собой явление, как более или менее независимое от непосредственной детерминации социальными процессами, так и постоянно испытывающее их влияние. Культурная консолидация протекает одновременно на нескольких уровнях, среди которых следует выделить этнический и сословный, где формируются сравнительно единые основания идентичности, ценностных предпочтений, мировоззренческих установок, ментальностей и иных проявлений коллективного сознания соплеменников, которые выра-

жаются и манифестируются определенными массово распространенными и понятными символами (Шкуратов, 1994).

На первобытном этапе вся культура рода/племени была более или менее однородной, поскольку в первобытном коллективе не было никакой социальной дифференциации. На аграрном этапе, когда разделение сообществ по сословиям получило наиболее выраженные формы и являлось наиболее жестким, этническая консолидация была связана в первую очередь с единством языка и религии. Остальные составляющие культуры были более или менее разделенными по сословиям и способствовали в основном внутрисословной культурной консолидации. Их основными инструментами были обычаи и нравы, образ жизни, одежда, бытовая утварь и пр., заметно различавшиеся у разных сословий.

А на индустриальном этапе сформировалась особая культура, названная *национальной*, отличающаяся юридическим равенством всего населения (т. е. фактическим распадом сословий и замещением их классами), стартовой доступностью всех социальных благ и постепенным введением национальных культурных стандартов. Их распространение стало возможным благодаря всеобщему начальному, а затем среднему образованию. В этой культурной стандартизации помимо языка и религии уже большую роль начали играть просвещение, государственная политическая идеология и — на современном этапе — средства массовой информации.

Разумеется, нельзя забывать и о том, что помимо социальной дифференциации существует еще и тенденция социальной консолидации. Но она проявляется в основном в сложении субкультур тех или иных социальных групп на базе их специфических интересов. И процессы культурной дифференциации тоже имеют место, но и они в существенной мере определяются социальной дифференциацией и только закрепляют в культуре стратификацию и структурирование общества. В характеристиках исторических сословий и классов бывает сложно отделить социальную составляющую от культурной. Социальные интересы представителей разных страт реализуются именно в культурных формах. Этот принцип *выражения социального через культурное* актуален и в отношении этнического разделения человечества. Ведь и оно в первую очередь было социальным, и лишь в ходе истории у локализовавшихся народов формировались свои самобытные культуры, со временем названные национальными. Тем более субкультуры сословий и классов лишь отражают специфику образов жизни и мировоззрений соответствующих социальных общностей.

Здесь необходимо пояснить, что выделение в индивидуальной и коллективной жизнедеятельности людей социальной и культурной составляющих как самостоятельных компонент является некоторой условностью. Практически социальное и культурное начала присутствуют в любом акте человеческой деятельности, и они очень тесно переплетены и взаимно интегрированы. Однако ученые в интересах более глубокого анализа явлений социальной активности людей структурируют их на социальные и культурные, как правило, имея в виду, что *формы* деятельности социальные, а *смыслы* деятельности культурны. Все это, конечно, очень условно, поскольку имеют место и культурные формы, и социальные смыслы. В науке существует множество моделей разведения социального и культурного начал, но все они не универсальны, а обусловлены конкретными исследовательскими интересами того или иного ученого.

В свое время мною была сформулирована сентенция, гласящая, что *все культурное социально, а все социальное культурно*. В конечном счете это именно так. Но в жизненной практике мы знаем как определенно социальные и определенно культурные явления (обладающие соответствующей значимостью), так и комплексные социокультурные феномены (с примерно равной социальной и культурной значимостью). Последние, видимо, и составляют абсолютное большинство артефактов истории. Но поскольку данная статья является научным исследованием, здесь сделан акцент на различии между социальной и культурной составляющими жизни людей, хотя в реалиях жизни их автономность не столь очевидна. Я думаю, что о социальном и культурном началах стоит говорить как о тенденциях, выделяемых преимущественно умозрительно. А в реальных исторических ситуациях эти два начала, как правило, взаимно интегрированы.

И социальная дифференциация, и культурная консолидация играют большую роль в выработке оснований для *социальной солидарности* и *идентичности*. И то, и другое основано на ощущении человеком своей общности с какой-то социальной группой, своей принадлежности к ней. При этом солидарность может быть охарактеризована как ощущение общности на социальных основаниях (интересах), а идентичность — на культурных (ценностях). На самом деле граница между социальной солидарностью и культурной идентичностью довольно условна, и в практике коллективной жизни не очень выделяется (см. об этом: Флиер, 2012: 392–433).

Не следует забывать, что со времени сложения первых государств имело место и *политическое вмешательство* в процессы самоорганизации сообществ. Правда, вмешательство в процессы социальной дифференциации случалось редко, только в периоды принципиальных политико-экономических реформ, но оно бывало очень радикальным. Вмешательство в процессы культурной консолидации было связано с оформлением государственной политической идеологии и в той или иной форме имело место всегда. Но оно, как правило, бывало лишь корректирующим. В отечественной истории можно отметить лишь два случая радикального политического вмешательства в культурные процессы: при христианизации Руси в конце X в. и при большевистской революции в начале XX в.

КУЛЬТУРНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Отдельную тему представляет вопрос о том, в какой мере тенденции социальной дифференциации и культурной консолидации стимулируют динамические процессы *культурной устойчивости* и *культурной изменчивости*. Чисто умозрительно мне представляется, что культурная устойчивость, воплощаемая в основном в воспроизводстве традиций, стимулируется преимущественно тенденцией культурной консолидации, связанной с практикой повторения форм локальной самобытности. А вот культурная изменчивость, воплощаемая в порождении новаций, стимулируется главным образом тенденцией социальной дифференциации, т. е. узкой профессиональной специализацией работника. Эмпирически известно, что узкие специалисты более склонны к творческой импровизации и порождению новаций, чем работники универсального профиля. Но это плоды поверхностных наблюдений. Этот вопрос, конечно, нуждается в фундаментальной проработке специалистами по теории творчества (и художественного, и технического).

Таким образом, в ходе истории сообществ их самоорганизация базировалась в основном на двух разнонаправленных тенденциях: социальной дифференциации (функциональном разделении труда) и культурной консолидации (укреплении единства коммуникативно-мировоззренческих установок сознания и форм их символизации). Даже при учете условности деления этих тенденций на социальные и культурные их разнонаправленность очевидна. Общество стихийно стремилось поддерживать баланс их влияния, ибо возобладание дифференцирующей тенденции было опасно социальным распадом, а возобладание консолидирующей тенденции — остановкой в развитии. Другое дело, что поддерживать равновесие этих тенденций на практике удавалось не всегда, и, как правило, история любого народа состояла в чередовании процессов ускоренного социального развития (доминирования социальной дифференциации) и усиленной культурной локализации (доминирования культурной консолидации). Но исследователю нужно трезво понимать, что это чередование не могло иметь регулярного характера, а являлось более или менее случайным (стохастическим), ситуативно детерминированным, и закономерностью здесь была не регулярность чередования, а сам факт баланса этих двух тенденций.

Возможно, именно это *чередование* некоторые ученые принимают за *цикличность* исторического процесса; например, П. А. Сорокин, чья циклическая концепция представляется мне наиболее научной (Сорокин, 1992). Я совершенно согласен с его эмпирическими наблюдениями, но скептически отношусь к их теоретическому истолкованию, ибо не вижу рациональных причин для постулируемого им исторического циклизма. Здесь без ответа остается вопрос: почему именно так, а не как-либо иначе? Ведь цикличность как устойчивая динамическая форма тоже должна иметь какую-то причину. Думаю, что предложенная мной модель стохастического, ситуативного чередования социально дифференцирующих и культурно консолидирующих тенденций в жизнедеятельности всякого сообщества может быть положена в основу рационального объяснения этих явлений.

Возникает закономерный вопрос о том, почему ускорение социального развития сообщества (т. е. приоритет тенденции социальной дифференциации) отрицательно влияет на функционирование тенденции культурной консолидации, и в особенности на локальную самобытность культуры. Дело здесь, по всей видимости, в том, что технологии профессиональной деятельности не имеют явной этнической культурной привязки. Если технологии сельского хозяйства еще обусловлены местными природно-климатическими и ландшафтными условиями и потому более или менее локальны, то говорить об устойчивой культурной локальности профессиональной деятельности французского инженера в сравнении с японским инженером не приходится. То же самое можно сказать о врачах, ученых, военных и т. п. А это значит, что усиление профессиональной специализации в системе жизнедеятельности какого-либо народа неизбежно приводит к понижению локальной этнической специфики этой деятельности.

Другое дело, что специфика в некоторых случаях не исчезает совсем, а перемещается из сферы актуального материального производства в сферу приватной жизни людей: образ жизни, повседневное потребление, домашние обычаи и т. п. (как это характерно для современной Японии). Это наблюдается не всегда, но ситуативно возможен и такой вариант. Однако в системе наукоемкой деятельности,

и в первую очередь в актуальном материальном производстве (производстве оружия, средств транспорта и связи, электронике, энергетике, станкостроении и т. п.), локальная культурная специфичность по мере модернизации экономики сокращается. Как правило, это выглядит как свертывание традиционной самобытности культуры в целом.

Но здесь не следует забывать о том, что эти перемены касаются не всей культуры сообщества, а преимущественно того сегмента, который принято называть «элитарной культурой» (см. об этом: Костина, 2009). Он более всего известен стороннему наблюдателю, и в основном по нему наблюдатель судит об уровне локальной самобытности данной культуры. Сейчас к этому процессу подключилась и массовая культура. Вместе с тем крестьянской культуры эти тенденции почти не касаются.

Тем не менее в сфере промышленного материального производства, в политической практике, в медицине, в науке, военном деле и т. п. в индустриальную эпоху наблюдается процесс культурной универсализации технологий, утраты ими выраженной этнической специфики, которая была характерна в аграрную эпоху. Это в равной мере показательно и для профессиональной специализированной культуры соответствующих профилей, в основном утрачивающей свое традиционное этническое своеобразие. Поэтому в периоды активного развития актуальной профессиональной культуры, которые время от времени охватывают модернизирующиеся сообщества, традиционная культурная самобытность либо сокращается, либо отходит в область приватной жизни людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, баланс социальной и культурной динамики выражается не только в снижении культурной самобытности при ускорении социального развития сообщества (что бросается в глаза, но является лишь частным случаем более общей тенденции). Главное заключается в том, что при активизации разделения труда и возрастании специализированности работников происходит определенная интернационализация технологий основных видов деятельности (в частности, заимствование более эффективных технологий извне) и вытеснение ими прежних традиционных форм. А при замедлении социальной дифференциации, наоборот, учащается повтор традиционных форм и усиление влияния тенденции культурной консолидации, в том числе проявляющейся в возрастании выраженности черт культурной самобытности. Частота чередования этих тенденций в большой мере зависит от особенностей эпохи: аграрной с ее склонностью к социальному застою на фоне идеологического расцвета и индустриальной с ее модернизационными экономическими и социальными интенциями. Как это проявится в постиндустриальную эпоху, еще нужно посмотреть.

Именно этот сложный процесс социокультурной самоорганизации исторических сообществ может быть описан и проинтерпретирован в рамках теории баланса социальной и культурной динамики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Эта идея высказывалась мною в конце 1990-х годов, а также была опубликована позднее — в издании 2012 г. (Флиер, 2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дюркгейм, Э. (1991) О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука. 575 с.
- Костина, А. В. (2009) Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М. : УРСС. 216 с.
- Маркс, К. (1959) К критике политической экономии // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат. Т. 13. С. 1–167.
- Сорокин, П. А. (1992) Социокультурная динамика. Кризис нашего времени. Диагноз кризиса // Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат. 543 с. С. 425–504.
- Флиер, А. Я. (2008) Социальная стратификация культуры // Флиер, А. Я., Полетаева, М. А. Происхождение и развитие культуры. М. : МГУКИ. С. 155–195.
- Флиер, А. Я. (2012) Очерки теории исторической динамики культуры. М. : Согласие. 528 с.
- Шкуратов, В. А. (1994) Историческая психология. М. : Лиотар. 322 с.

Дата поступления: 20.05.2016 г.

*THE DEVELOPMENT OF THE HISTORICAL DYNAMICS OF CULTURAL THEORY:
INTERACTION OF SOCIAL AND CULTURAL FACTORS*

A. YA. FLIER

(D. S. LIKHACHEV RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL AND NATURAL HERITAGE)

The article deals with the interaction of social and cultural factors of self-organization of historical communities, their interdependence and mutual balance, as well as with the outcomes of their impact on social development and cultural formation. In particular, we focus on the empirically discovered law which postulates that acceleration of social development in a community leads to a marked weakening of local cultural identity, and vice versa, the deceleration of such development enhances the community's cultural uniqueness. Researchers have dubbed this effect «the balance of social and cultural dynamics».

This balance can be explained by the alternate predominance of two functional trends of human activity – ongoing social differentiation and professional specialization, on the one hand, and the rise of cultural homogeneity (cultural consolidation), on the other. These trends together determine the course of collective self-organization and check each other's impact. In effect, they almost cancel each other out and, as a rule, historically take turns as leading factors in the self-development of historical communities, thus ensuring that such development remains constructive. We suggested that the alternation of these trends may underpin the rise of the scholarly concepts of cyclical development of cultures and communities.

We have analyzed the impact these factors have on the development of social solidarity and the formation of cultural identities, informed as they are by various political influences. A special focus is made on the systemic role played by the trends of social differentiation and cultural consolidation in the dynamics of cultural sustainability and cultural variability as the two major historical processes in cultural development.

These social and cultural trends in the historical dynamics of communities can only to a certain extent be viewed as independent. These developmental trends are largely mutually integrated. They are described as independent phenomena only for the purpose of in-depth analysis, thus substantiating the maxim that every social factor is also a cultural one, and everything in the domain of culture is also social.

Keywords: dynamics of culture; theory of culture; cultural consolidation; cultural factors; historical community; cultural sustainability; cultural variability; historical cyclicity

REFERENCES

- Durkheim, E. (1991) *O razdelenii obsbhestvennogo truda. Metod sotsiologii*. Moscow, Nauka. 575 p. (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2009) *Natsional'naja kul'tura — etnicheskaja kul'tura — massovaja kul'tura: «Balans interesov» v sovremennom obsbchestve*. Moscow, URSS. 216 p. (In Russ.).
- Marx, K. (1959) К критике политической экономии. In: Marx, K. and Engels, F. *Sochineniia*. 2 ed. Moscow, Politizdat. Vol. 13. Pp. 1–167. (In Russ.).
- Sorokin, P. A. (1992) Sotsiokul'turnaia dinamika. Krizis nashego vremeni. Diagnostika krizisa. In: Sorokin P. A. *Chelovek. Civilizatsiia. Obsbchestvo*. Moscow, Politizdat. 543 p. Pp. 425–504. (In Russ.).
- Flier, A. Ya. (2008) Sotsial'naja stratifikatsiia kul'tury. In: Flier, A. Ya. and Poletaeva, M. A. *Proisbozhdenie i razvitie kul'tury*. Moscow, MGUKI. Pp. 155–195. (In Russ.).
- Flier, A. Ya. (2012) *Ocherki teorii istoricheskoi dinamiki kul'tury*. Moscow, Soglasie. 528 p. (In Russ.).
- Shkuratov, V. A. (1994) *Istoricheskaja psihologija*. Moscow, Liotar. 322 p. (In Russ.).

Submission date: 20.05.2016.

Флиер Андрей Яковлевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Адрес: 129366, Россия, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2. Тел.: +7 (495) 686-13-19. Эл. адрес: andrey.flier@yandex.ru

Flier Andrei Yakovlevich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, D. S. Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Postal address: 2 Kosmonavtov St., Moscow, Russian Federation 129366. Tel.: +7 (495) 686-13-19. E-mail: andrey.flier@yandex.ru